

Глава 1. Осенняя охота

Уезд Цанцзин, деревня Сялинь.

Вечерний туман утопал в закатных лучах, окрашивая небо в золото и багрянец. В деревне Сялинь, приютившейся у подножия горы, уже вились струйки дыма из печных труб.

Женщин и фуланов отправили с полей домой — готовить ужин, а оставшиеся мужчины, пользуясь последними отсветами дня, спешили дожать рис. Гулкие удары цепов разносились по горам.

Из сумрачного леса у подножия горы показалась фигура юноши-гээр в красной одежде. Его тёмные волосы были высоко собраны и перехвачены простой тканевой лентой. На туго затянутом поясе за спиной виднелся отполированный до блеска топор. В руке он нёс холщовый мешок, который слегка подрагивал, будто внутри что-то шевелилось.

Старик, работавший у самого склона, уловил в воздухе запах крови. По спине его пробежал холодок, и он, напрягшись, обернулся. Увидев Е Ишу с ледяным, суровым лицом, будто тот только что расправился со злейшим врагом, старик облегчённо выдохнул и хлопнул себя по груди.

— Братец Шу, — проговорил он, выпрямляясь и опираясь на ноющую поясницу, — может, ты будешь ходить хоть с каким-то шумом? — Старик тихо охнул. — Я уж подумал, медведь с гор спустился, а мои старые кости такого испуга не выдержат.

Е Ишу повернул голову, и взору открылось его яркое, красивое лицо с длинными, словно дальние горы, бровями и тёмными, как смоль, глазами. Увидев старика, он немного смягчился.

— Второй двоюродный дед, — произнёс он и, заметив молодого мужчину, что подошёл к краю поля, чтобы напиться, добавил: — Брат Шунь.

Е Дашунь кивнул и протянул ему чашку с водой:

— Выпей. В горы ходишь, а воды с собой не берёшь, небось, в горле пересохло.

Е Ишу без церемоний взял чашку и одним махом осушил её, словно заправский вояка, осушающий чашу с вином. Этот его жест заставил Е Дашуня скривиться. Ну как можно было вырастить такого гээр?

Вернув пустую чашку, Е Ишу увидел, как Е Дашунь ставит её на зелёную траву у кромки поля. Затем он развязал мешок и вытащил оттуда кролика.

— Жатва — дело утомительное. Возьмите этого кролика, подкрепитесь, — сказал он и бросил тушку Е Дашуню.

— Да что ты, не стоит... Эй, братец Шу!

Е Дашунь, неловко поймав кролика, получил удар задними лапами в грудь. Зашипев от боли, он потёр ушибленное место и, схватив животное за уши, бросился вдогонку, но Е Ишу уже и след простыл.

— Дед, что же это... — Е Дашунь в замешательстве нахмурил густые брови.

Е Кайцан помолчал, аккуратно положил серп на сжатые колосья и, подняв сноп необмолоченной соломы, сказал:

— Возьми. В следующий раз незаметно отдашь братцу Шу что-нибудь взамен.

Хоть он и не любил своего третьего брата и семьи их давно не общались, к этому внучатому племяннику он питал тёплые чувства. Будь братец Шу из его семьи, ему бы ни за что не пришлось добывать себе пропитание в горах. Но его третий брат во всём походил на их мать: баловал младшего сына и во всём притеснял старшего.

Подумав об этом, он не удержался и добавил:

— Возьми часть риса и иди домой. Отнеси кролика и попроси свою мать подумать, чем можно отблагодарить братца Шу.

Все они были грубыми мужиками и понятия не имели, что может понадобиться молодому гээр.

— Хорошо, — ответил Е Дашунь, прикинув вес кролика. Килограмма два с половиной, не меньше.

В крестьянских семьях мясо было редкостью, и лишь Е Ишу, научившийся охотиться, мог позволить себе есть его регулярно. Во время осенней страды, когда все тяжело трудились, мяса хотелось особенно сильно.

Тем временем Е Ишу с мешком на плече шёл по деревне. Длинные ноги позволяли ему шагать быстро и уверенно. Вскоре он миновал межи и вышел на главную деревенскую дорогу.

Многие в полях видели, как он спустился с горы, и каждый с завистью поглядывал на жирного

кролика, которого он так запросто отдал.

— Вот же повезло семейству Е, сегодня снова будут с мясом. Даже старику Е Лаочжуану перепадёт.

Услышав это, круглолицая женщина в цветастом платке с соседнего поля дважды сплонула:

— Повезло? Будь у меня такой гээр, я бы с головой в колодец нырнула! Таких, как братец Шу, гнать из дома надо, чтобы семью не позорил!

— Вторая тётушка Чжу, ты, никак, от зависти лопаешься, — усмехнулся мужчина с поля напротив, выпрямляясь, чтобы перевести дух после обмолота риса.

Лицо второй тётушки Чжу потемнело. Она упёрла руки в бока и повысила голос:

— Тьфу на тебя! Это ты от зависти лопаешься! А я блюду... блюду нравы и устои!

Сидевший неподалёку молодой книжник, вернувшийся домой на время жатвы, не смог сдержать смешка.

— Да во всей нашей деревне, что там — в уезде, не сыскать такого бесстыжего гээр! В охотники подался! Вместо того чтобы дома стирать да готовить, целыми днями по горам шляется. Кто знает, чем он там на самом деле занимается? — продолжала она. — Не нужен мне его кролик, неизвестно ещё, от какого хахаля из гор он его получил...

Слушая, как её слова становятся всё более нелепыми, окружающие перестали ей отвечать. Но она, вообразив, что попала в самую точку, задирала нос, словно петух на заборе ранним утром, и кудахтала всё громче.

Проходивший мимо с рисом за спиной Е Дашунь нахмурился и тут же рявкнул:

— Вторая тётушка Чжу, я, между прочим, из семьи Е и всё слышу! Если не придержишь свой язык, я его тебе сейчас вырву!

Вторая тётушка Чжу, внезапно столкнувшись с разъярённым Е Дашунем, его грозным видом и свирепым взглядом, испуганно пискнула. Забыв о стыде, она быстро присела, прячась за снопами риса и делая вид, что усердно жнёт.

Е Дашунь, спешивший домой, увидел, что она притихла, и громогласно добавил:

— Мой младший брат в десять лет пошёл в ученики к охотнику, вся деревня об этом знает! Он

обучился ремеслу и теперь сам себя кормит, так с чего бы ему от кого-то зависеть?!

Он впился взглядом в макушку второй тётушки Чжу, видневшуюся из-за колосьев, и предупредил:

— Ещё раз такое услышу, и моя семья этого так не оставит!

Сказав это, он сердито зашагал прочь. В поле воцарилась тишина. Лишь спустя некоторое время вторая тётушка Чжу робко выглянула из-за снопов, и, убедившись, что его уже нет, с проклятием смачно сплюнула на землю.

— Ишь, какой важный! Восемнадцать лет, а до сих пор не сосватан. Посмотрим, кто на такого позарится!

Е Ишу ничего не знал о перепалке у поля, да и если бы узнал, отмахнулся бы, как от собачьего лая, даже не удостоив взглядом. Проведя в горах целый день, он мечтал лишь о том, чтобы поскорее добраться домой, вымыться, наестся до отвала и лечь спать.

Подойдя к плетню своего дома, он заметил, что дым из трубы уже не шёл — ужин, должно быть, готов. Он толкнул калитку, и не успел он войти, как к нему вихрем подлетела пожилая женщина. Лицо её лоснилось, вид был бодрый, волосы гладко зачёсаны и даже смазаны маслом. Ни единого седого волоска. На вид она была лет на десять моложе своих ровесниц в деревне.

— Братец Шу вернулся, как раз вовремя.

Ли Сынян тут же протянула руки к его мешку. Е Ишу отступил в сторону, и она схватила пустоту. Скривив губы, она вновь подняла на него ласковый взгляд.

На лице Е Ишу читалась усталость.

— Бабушка, я целый день провёл в горах, хочу сначала поесть.

Улыбка сошла с лица Ли Сынян. Она отступила на полшага.

— Ешь, ешь... — процедила она сквозь зубы. Только и знает, что есть!

— Жена старшего сына, неси скорее палочки и чашку! — крикнула она в дом, срывая злость на невестке за то, что внук поступил не по её воле.

Ши Пулю, с тревогой ожидавшая сына, покорно опустила глаза и тихо ответила. Е Ишу обошёл старуху и, занеся мешок в свою комнату, направился напрямиком на кухню.

— Мама, давай я, — сказал он, забирая у Ши Пулю чашку.

Ши Пулю подняла на него глаза — сын был на голову выше её. Она улыбнулась и сняла с его волос травинку. Единственный недостаток её сына — слишком высокий, выше некоторых мужчин.

— А-Шу, ты не поранился? — тихо спросила она. Голос её, словно поглаживание для кота, мгновенно успокоил Е Ишу.

— Я столько раз ходил в горы, я осторожен. Не беспокойся, — мягко ответил он.

— Как же не беспокоиться... — улыбка Ши Пулю угасла. Она принялась мыть палочки для еды, привычно ссутулив спину. Сбоку она казалась тонкой и хрупкой. Немного помедлив, она вновь заговорила: — Мы ведь не так бедны, чтобы голодать, может, не будешь больше...

Подкрадываясь к двери Ли Сынян громко кашлянула.

— Готово там или нет? Братец Шу голоден.

Ши Пулю вздрогнула и, быстро забрав у сына чашку, поспешила в общую комнату. Е Ишу остался один на кухне. Его взгляд, ставший холодным, провожал две удаляющиеся фигуры.

Члены семьи Е, работавшие в поле, постепенно возвращались домой. Едва Е Ишу переступил порог, как к нему подбежал его младший брат, похожий на чумазого крольчонка, с маленькой корзинкой за спиной.

— Брат, ты вернулся!

Е Ишу остановил его, положив руку на лоб. Ладонь тут же стала мокрой от пота, и он вернулся на кухню, чтобы вымыть руки. Доумяо, обиженный таким приёмом, расстроено захныкал и принялся кружить за ним.

Когда он вошёл в общую комнату, все уже сидели за столом. Семья была большая: у деда и бабушки Е было двое сыновей и две дочери. Старший сын — его отец, Е Чжэнкунь, был женат на его матери, Ши Пулю. У них было двое детей: он и его младший брат Доумяо. Две тётки уже вышли замуж. Старшая уехала далеко и много лет не поддерживала связь с семьёй. Младшая жила в городе и приезжала лишь на праздники, чтобы выказать почтение. Младший сын, Е

Чжэнсун, был женат на дочери деревенского туншэна, Цзинь Лань, его младшей тётушке. У них был драгоценный сын Е Цзиньбао, которому сейчас было пять лет, и его баловали, как зеницу ока.

Семья ещё не делилась, и за ужином обычно собиралось девять человек. Маленький квадратный стол не вмещал всех, и раньше бабушка отправляла его мать, его самого и Доумяо есть на кухню, говоря, что там просторнее. Лишь когда Е Ишу подрос и приобрёл грозную славу, а также стал приносить в дом мясо, ему позволили есть за общим столом.

Сегодня младшая тётушка с сыном ушла к своим родителям, так что за столом было немного свободнее. Увидев отца, высокого и крепкого мужчину с загорелой кожей, который добродушно улыбнулся ему, обнажив белые зубы, Е Ишу кивнул:

— Отец.

Все расселись. Рядом с Е Ишу примостился его младший брат Доумяо. От его тесноты Е Ишу стало жарко, и он оттолкнул мальчика, на что тот бросил на него обиженный взгляд, который Е Ишу проигнорировал.

В разгар жатвы на столе появилось мясо — тушёная курица, да и та была добыта Е Ишу в горах два дня назад. Мяса в ней было мало, и бабушка разделила её на две части. Первую половину он не застал, а из второй сварили суп, в который добавили целую гору овощей.

Пока глава семьи, его дед Е Кайлян, не притрагивался к еде, никто не смел начать. «Храм невелик, а порядки строгие», — подумал Е Ишу, опустив глаза.

— Ешьте, — сказал Е Кайлян, удовлетворённый покорным видом своих детей и внуков, и положил себе кусок курицы, лежавший прямо перед ним.

Тут же к блюду потянулась ещё одна пара палочек и ловко выхватила куриную ножку, грудку и крылышки. Е Ишу проследил за палочками и увидел, что в чашке его младшего дяди выросла целая гора мяса. Он усмехнулся и незаметно под столом ткнул своего младшего брата. Доумяо взглянул на него, тут же вскочил и быстро переложил куски курицы из дядиной чашки.

Прежде чем Е Кайлян успел нахмуриться, Доумяо положил мясо ему в чашку.

— Дедушка, кушай мясо, — громко и почтительно сказал он.

Е Кайлян тут же расслабился и, сохраняя строгое выражение лица, ответил:

— И ты ешь.

— Хорошо, — Доумяо, не прекращая орудовать палочками, добавил: — Бабушка, тоже кушай. Отец, кушай. Мама, кушай. Брат, кушай. И я буду кушать! Дяде хватит, он не будет...

После того, как он дважды обошёл всех с угощением, быстро разделив курицу под всё более недовольным взглядом бабушки, Е Ишу неторопливо отхлебнул куриного бульона и, бросив взгляд на стариков во главе стола, понял, о чём они думают. Конечно, они считали, что его родителям и брату не следовало есть столько мяса, а нужно было оставить им и их младшему сыну. Будь здесь Е Цзиньбао, вся курица оказалась бы в чашках у дяди и его сына.

Е Ишу не был жаден до мяса, но его родителям и брату не хватало питательной пищи. К тому же, курицу добыл он, так почему же им нельзя её есть?

За столом воцарилась тишина. Видя, что его родители, опустив головы, больше не осмеливаются притрагиваться к еде и с мольбой смотрят на него, Е Ишу с улыбкой спросил:

— Бабушка, у тебя нездоровый вид. Ты заболела?

Ли Сынян с трудом натянула улыбку:

— Да, немного. Кажется, солнечный удар. Может, А-Шу не пойдёт завтра в горы, а поработает в поле...

— Правда? — Е Ишу нарочито посмотрел на мясо в её чашке. — Тогда тебе не стоит есть жирное.

— Н-не так уж и серьёзно, — быстро поменялась в лице Ли Сынян и прикрыла свою чашку рукой.

— Хватит, — нетерпеливо прервал их Е Кайлян. — За едой не разговаривают.

Е Ишу отвёл взгляд и быстро доел свой рис. Встав из-за стола, он поспешил на кухню. Едва он наполнил ведро горячей водой, как в дверях появилась его бабушка.

— Бабушка, ты мешаешь, — сказал он.

Ли Сынян, глядя на почти полное ведро, не смогла сдержать раздражения, хоть и пыталась казаться любезной:

— Зачем столько горячей воды? Ты что, в грязи извалялся?

— Вы как в воду глядите, — ответил Е Ишу.

Ли Сынян, никогда не умевшая переспорить его, на мгновение потеряла дар речи.

Е Ишу легко поднял ведро и вышел. Не успел он сделать и нескольких шагов, как его отец, Е Чжэнкунь, подошёл и забрал у него ведро.

— Давай я. Тяжёлое.

Е Ишу, выпрямившись и поджав губы, с усмешкой сказал бабушке:

— Бабушка, если ко мне нет дел, я пойду мыться.

— Подожди! — остановила его Ли Сынян. — Ты ещё не отдал долю в общую казну за сегодняшнюю охоту.

— Ничего хорошего не поймал.

Ли Сынян, решив, что он не хочет отдавать добычу, взвилась:

— Мы договаривались! Ты не работаешь в поле, но отдаёшь часть добычи в семью. Хочешь обмануть?!

Е Ишу, скрестив руки на груди, лениво прислонился к двери и медленно произнёс:

— Что вы, как можно.

— Тогда ты...

— Вода остынет. Я вымоюсь и отдам вам, — сказав это, он ловко увернулся от протянутой руки старухи и скрылся в своей комнате, захлопнув за собой дверь и оставив Ли Сынян в бессильной ярости стоять на пороге.

Дом семьи Е был мазанкой, состоящей из центральной комнаты и двух боковых пристроек. В центральной части находилась общая комната для приёма гостей и трапез. В восточной пристройке жили его дед и бабушка, а в западной — кухня. В восточной пристройке теперь жила их семья. Раньше они занимали светлую западную пристройку, но перед свадьбой младшей тёти та заявила, что хочет жить именно там, и бабушка заставила его родителей переехать. В восточной пристройке была всего одна комната. Когда Е Ишу подрос, отец отгородил ему отдельный угол. Младшему брату уже исполнилось десять, и его тоже пора было отселить, но места совсем не было. Разве что отец построит ещё одну комнату. Он мог бы, но

их семью использовали в доме как рабочую скотину, особенно во время жатвы, когда отец так уставал, что засыпал за ужином.

Дед и бабушка во всём потакали младшему дяде, и Е Ишу это видел. Но отец был слишком честным, а мать — слишком робкой, и у них не было ни малейшего желания отделиться и жить своим домом. К тому же, в обществе, где почитание старших ценилось превыше всего, о разделе семьи не могло быть и речи. Всё, что мог сделать Е Ишу, — это закалить свой характер, стать опорой для своей семьи и как можно скорее скопить денег, чтобы облегчить жизнь родителям.

<http://bllate.org/book/13660/1580425>